

Рыба была свежая, явно только что пойманная.

Хуайцзяо сидел у костра, хотел есть, но немного боялся.

Долгое время обитающие в пещерах монстры претерпели мутации: чтобы приспособиться к холодному, влажному климату пещер и вездесущим подземным рекам, они обзавелись чешуёй и перепонками, как у рыб.

Хуайцзяо смутно догадывался, что причиной их мутаций могла быть вода или климат.

Беловолосый монстр хорошо знал аппетит самки. Он поймал несколько рыб, но приготовил только половину одной – и даже это для Хуайцзяо было много.

Остальные рыбы ещё дышали в углу.

Хуайцзяо держал палочку с кусочком рыбы и украдкой поглядывал в сторону угла.

Эти рыбы, кроме чуть большего размера, выглядели совершенно нормально. Ни острых зубов, ни костяных шипов – рыбы из подземной реки почти не отличались от обычных карпов, которых продают на рынке.

[Наверное, можно есть?]

Рыба пахла восхитительно. Беяк очистил её от чешуи, кожа подрумянилась, а мясо внутри выглядело нежным и сочным. Хуайцзяо сглатывал слюну, но никак не решался откусить. Он поёрзал у костра пару секунд, затем снова спросил у 8701:

[Если я съем один раз, я не мутирую, да?]

8701: [...]

Хуайцзяо прикусил губу и, отступая, продолжил:

[В задании же не сказано, что игроки не могут мутировать. Даже если это случится, главное – пройти уровень, верно?]

Он выглядел настолько жалким, что, если бы 8701 промолчал ещё немного, он бы продолжил оправдываться.

8701: [Просто ешь.]

Хватит мудрить. Всё равно он уже стал «невестой» монстра, так что неясно, зачем ещё сопротивляться.

Хуайцзяо не знал, о чём думал 8701, но, услышав, что можно есть, засиял от счастья.

Он дунул на рыбу пару раз, даже не дожидаясь, пока она остынет, и жадно откусил кусок.

Затем схватился за уши, едва не заплакав от боли.

– Ссс-сс! – Беяк, увидев его реакцию, тут же присел ближе, будто спрашивая: «Что случилось?»

– Очень горячо... – выдохнул Хуайцзяо, глаза на мокром месте.

- Ссс!

Этого он уже не понял, но всё равно ответил:

- Угу-угу!

Рыба из пещеры, в отличие от выращенной на ферме, была не только нежной, но и упругой. Жаль только, что не хватало приправ. Хуайцзяо съел пару кусочков и уже не чувствовал себя голодным. Осталось ещё много, и, чтобы не пропадать добру, он задумался, затем повернулся к рюкзаку и начал в нём копать.

Увидев рюкзак, он невольно вспомнил о двух девушках и Толстяке, которые отстали от группы. Когда Беляк принёс ему одежду, Хуайцзяо тайком проверил - к счастью, среди вещей не было их одежды.

Это немного успокоило его.

В рюкзаке туристов было много полезного. Хуайцзяо не нашёл соли, но, к своему удивлению, обнаружил несколько пакетиков с приправой от лапши быстрого приготовления. Обрадовавшись, он посыпал рыбу приправой, откусил ещё кусочек - и вкус стал совершенно другим.

Вспомнив о Беляке, который приготовил ему рыбу, Хуайцзяо, наевшись, взял оставшийся кусок и подвинулся к монстру.

- Хочешь? - осторожно спросил он, не зная, понравится ли монстру, привыкшему к сырой пище, жареная рыба с приправами.

Беляк сначала замер, его белые глаза выражали недоумение.

Когда Хуайцзяо, нахмурившись, поднёс рыбу к его рту, монстр наконец понял. Он тупо уставился на Хуайцзяо, затем осторожно вонзил клыки в рыбу и откусил кусочек.

Хуайцзяо хотел спросить, вкусно ли, но не успел и рта раскрыть, как Беляк в порыве странного восторга схватил его и поднял в воздух.

И снова начал тереться и облизывать.

Хуайцзяо, с набитым животом, из-за минутной слабости накормил монстра - и теперь тот прижал его к гнезду, вылизывая мягкий, округлый животик.

Перед глазами мелькали белые волосы, а ниже - маленький монстр, который, несмотря на возбуждение, старался не причинять ему вреда.

Хуайцзяо схватил его за голову, но, заметив краем глаза огромного монстра, побледнел и быстро отвел взгляд.

...

Раньше, когда Хуайцзяо и Лань убегали от гигантского монстра, он не разглядывал чудовищ толком - стоял к ним спиной, да и капюшон мешал. Поэтому у него было лишь смутное представление об их внешности.

Кожа у монстров серо-голубая, покрытая чешуёй и липкой слизью. Лапы с острыми когтями и

перепонками, как у рыб. В общем, жутко и отвратительно.

Хуайцзяо так их боялся, что даже не пытался рассмотреть, а значит, не знал об их анатомических особенностях.

Чешуя покрывала их тела, так что даже без одежды ничего лишнего не видно.

Хуайцзяо так и думал. Хотя Лань говорил что-то о самках и спаривании, но, не видя этого своими глазами, он полагал, что у монстров либо нет таких мест, либо они маленькие и незаметные.

Пока Беляк не затащил его в пещеру и не показал во всей красе.

Он и представить не мог, что у монстров это выглядит так – спрятанное под твёрдыми чешуйками на животе, оно появляется наружу, когда монстр возбуждён или чувствует самку.

Очень похоже на русалок, которых описывал Толстяк.

Когда монстр сидел перед Хуайцзяо, бесстыдно демонстрируя своё «достоинство», тот был в ужасе.

И даже когда монстр, желая выразить нежность, терся о его нежные бёдра, а холодная чешуя царапала кожу, Хуайцзяо слабел, с его красивого лица капали слёзы – и не переставая.

Но, несмотря на откровенное поведение, Беляк на самом деле никогда не имел самки.

Увидев в пещере прекрасного, благоухающего «сородича», он влюбился с первого взгляда. Следовал за ним, прячась в темноте, сердце бешено колотилось, как у человека. Он забирался на стены или свисал с потолка, пылая страстью к Хуайцзяо.

Беловолосый монстр-девственник постоянно представлял, как он и прекрасная самка по имени Сяо Цзяо спариваются в их логове.

Самка обнимает его, ластится и откладывает много яиц.

Конечно, это были лишь фантазии. Стоило ему перейти границы, как самка начинал плакать. Беляк, глядя на его мокрые глазки, терял голову.

Оставалось только злобно топорщиться и бегать вокруг, полный нетерпения.

...

В отличие от относительно мирной обстановки в логове монстра, у группы Шань Чи дела шли неважно с тех пор, как Хуайцзяо похитили.

В рюкзаке, который он оставил, часть еды уже испортилась, но для троих, у которых не было запасов, это было спасением. Этой еды хватило бы ещё на пять дней.

Но этот рюкзак достался им ценой самого Хуайцзяо.

Прямо у них на глазах, в ловушке монстра, произошёл обмен.

Атмосфера в группе была гнетущей. Если только не нужно было поесть или сразиться с монстрами, они шли без остановки. Даже Юй Вэньцин, привыкший к физическим нагрузкам и

имевший опыт походов, не выдерживал такого темпа.

Так было с тех пор, как Хуайцзяо забрали.

- Может, отдохнём? - запыхавшись, предложил Юй Вэньцин. Мало еды и постоянное движение истощали их. - Иначе мы не дойдём до Хуайцзяо.

Только при упоминании его имени остальные оживились.

- Его забрали почти семьдесят два часа назад. Трое суток... - голос Шань Чи был хриплым, будто натёртым песком. - Я не знаю, что с ним. Он такой пугливый... наверняка...

- ...ужасно напуган.

Юй Вэньцину тоже стало не по себе. Поначалу он презирал этого деревенского дурачка.

Красивое, но бесполезное лицо, пустая голова - кроме глупости, в нём не было ничего примечательного.

Пара фраз - и этот идиот сам вызвался проводить их в горы. Без разрешения, за две шоколадки, он бегал по их поручениям и даже спустился в пещеру, позволив себя обмануть.

Юй Вэньцин никогда не относился к нему хорошо.

Но на самом деле Хуайцзяо был очень послушным. Доверчивый, покладистый, в пещере, даже когда было страшно, он не жаловался и не создавал проблем.

Грязные шутки Толстяка раздражали даже Юй Вэньцина, а Хуайцзяо, глупенький, даже не понимал их и не злился.

Потом они отстали от группы, закончилась еда, но он не ныл. Они издевались над ним, монстры в пещере издевались, а он, спасаясь, даже позволил Ланю так с собой обращаться.

Кажется, он вообще не умел злиться. С рюкзаком можно было разобраться иначе, не лезть внутрь.

Но стоило Юй Вэньцину сказать пару слов - и Хуайцзяо послушно полез внутрь. Перед тем, как его утащили, его лицо побелело от ужаса, но он изо всех сил толкнул рюкзак в их сторону.

«Мне страшно...» - до сих пор звенело в ушах.

Юй Вэньцин думал: «Если бы я относился к нему лучше...»

- Ничего... Для монстров он самка, они не причинят ему вреда... - попытался успокоить он, криво улыбнувшись.

Но эти слова, кажется, попали в самое больное место. Лань, всегда холодный и сдержанный, вдруг изменился в лице. Его голос стал ледяным, будто сквозь зубы:

- А что тогда считать вредом? Утащить в логово и заставить вынашивать их потомство?

Оба побледнели.

Если бы Хуайцзяо был здесь, он бы наверняка шепнул 8701, что Лань «вышел из роли».

Но сейчас это никого не волновало. Слова Ланя были как тупой нож, вонзающийся в грудь – не режущий, а давящий, причиняющий тупую боль.

- Самка? Вы даже не представляете, что они с ним сделают.

- Когда мы потерялись, на нас напали десятки монстров. И все хотели только его.

- Они сходили с ума, бросались на него одного.

Юй Вэньцин тоже побледнел, вспомнив ту ночь в пещере, когда крик Хуайцзяо разбудил его. Смутные образы, мелькавшие в темноте...

И слова: «Монстрам нужно размножаться.»

Шань Чи сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он опустил голову, его резкие черты лица исказились от мрачных мыслей.

Он вспомнил, как в пещере много раз говорил Хуайцзяо «не бойся» или «я защищу тебя». Несколько дней назад, спускаясь в пещеру, он был уверен, что просто берёт его с собой на прогулку и обязательно вернёт целым и невредимым.

У них были свои причины идти в пещеру, но Хуайцзяо был невинен.

Шань Чи знал, что относится к Хуайцзяо по-особенному. Даже по сравнению с членами своей команды, которых знал годами, с первой встречи он вёл себя иначе. На заправке, когда они спорили с темнокожим Ван Чжэном насчёт машины, он, бросив взгляд на Хуайцзяо, вдруг сел в пикап.

А потом, на заднем сиденье, схватил его за одежду и спросил имя.

Шань Чи никогда не признавался себе в чувствах, думая, что просто жалеет его из-за возраста и наивности.

Но в пещере, когда Лань нёс Хуайцзяо через реку, ему стало неприятно. Когда кто-то другой держал его за руку, он хмурился.

Если бы он не увидел, как Лань страстно целует его, Шань Чи мог бы продолжать думать, что видит в нём младшего брата.

Какого чёрта брата? Какой брат мечтает его поцеловать каждую секунду?

- Продолжаем искать. Вдоль реки – мы найдём логово Беляка, – хрипло приказал Шань Чи.

Шум воды, мрак и сырость пещеры – казалось, впереди не было никакой надежды.